

ПОНИМАНИЕ ИМПЛИЦИТНОГО СМЫСЛА КАК ОСНОВА КРЕАТИВНОГО МЕХАНИЗМА ЮМОРА

Проблемы, связанные с осмыслением дефиниции «юмор», возникают в связи с феноменологической сущностью данного понятия. Креативная природа юмора ярче всего проявляется в остроумии как гносеологической составляющей юмора. Так, Аристотель говорит, что «остроумие – это дерзость, получившая образование». Креативный характер остроумия особым образом выделен И. Кантом в работе «Антропология с прагматической точки зрения». Так, в § 54 «О талантах и познавательной способности» подчеркивается, что «талант – продуктивное остроумие». И далее – «продуктивное остроумие позволяет находить сходство между неоднородными вещами и дает рассудку материал для того, чтобы сделать его понятия общими» [Кант, 2002]. Г. Гегель в «Науке логики» подошел к анализу остроумия как формы мышления, подчеркивая, что остроумие схватывает противоречие, высказывает его, приводит вещи в отношения друг к другу, заставляет «понятие светиться через противоречие». Ф. Шлегель, выделяя креативную составляющую юмора, пишет, что «острота есть взрыв связанного сознания», т. е. рассудочного мышления, окостенелого в односторонних, непротиворечивых понятиях. В юмористической форме конкретное, противоречивое не просто ставится рядом; противоположности связываются в резком противоречии, и эта связь содержит намек на глубоко спрятанную истину, кроющуюся в синтезе этих противоположностей.

Объективными данными выделения креативной сущности юмора является наличие целого ряда понятий, отражающих степень выраженности рассматриваемого явления: «истинное остроумие» (К. Гельвеций), «плоское остроумие» (И. Кант), «продуктивное остро-

умие» (И. Кант), «плоский юмор» (Г. Гегель), «низкопробный юмор» (К. Маркс), «остроумие идей» (Г. Гейне) и др. Остроумие основывается на принципе фиктивности, допущении подобия. Модус «как если бы» позволяет остроумию отождествлять различное, включать неизвестное в структуру уже имеющегося знания. При этом понимание не редуцируется к простому сравнению, а ориентируется на более глубокое проникновение в предмет. В связи с этим необходимо рассмотреть проблему реализации в юморе (юмористической форме) процесса понимания имплицитного смысла как способа экзистенциально-индивидуального бытия. В этой связи отметим, что взгляды Ж. Батая и Ж. Деррида основываются на понимании процесса зарождения юмора в момент отказа от смысла, поскольку смешно именно закабаление очевидностью смысла. Эту мысль развивает М. Делез, подчеркивая, что юмор порождается на уровне чистого события или «поверхности» в соразмерном действии друг на друга нонсенса и смысла. При этом юмор определяется М. Делез в «Логике смысла» как номадическая (кочующая) сингулярность. «Номадическое мышление» стремится сохранить различие и разнородность понятий там, где «государственное мышление» выстраивает иерархию и сводит все к единому центру-субъекту. Понятие, освобожденное от структуры репрезентации, представляет собой точку воздействия различных сил, которые противопоставляются Делез власти. Последняя является продуктом репрезентации и направлена на создание иерархии, в то время как свободная игра сил разрушает любой централизованный порядок. Понятие, согласно Делез, не должно соотноситься ни с субъектом, ни с объектом, так как оно представляет собой совокупность обстоятельств, вектор взаимо-

действия сил. Рассматривая противостояние двух видов мышления на уровне топологии, Делез указывает, что пространство номадических потоков представляет собой гладкую поверхность с возможностью движения в различных направлениях, означающей наличие множества вариантов развития. В анализируемых подходах выделяются отдельные аспекты юмора, основанные на логико-гносеологическом рассмотрении феномена «юмор». Однако следует признать, что специфика креативной природы юмора, заключается в понимании нового, имплицитного смысла.

Под креативным механизмом юмора нами понимается порождение в процессе восприятия юмористического текста нового, имплицитного смысла, основанного на компоновке текста с высокой степенью контраста (двойственности и/или многозначности). Это можно утверждать на основании ряда положений:

- порождение нового смысла, опосредуется изменением устойчивых семантических связей (разрушение смысловых стереотипов) и выходом на различные уровни обобщения (осмысления) ситуаций, с целью выявления существенных характеристик в соответствующем контексте;

- юмористическая форма как основа смыслового восприятия порождает трансформацию содержания через понимание значений, выражающих имплицитный смысл;

- создание значений, альтернативных имеющимся, через возникновение нового смысла, порождаемого значимыми отклонениями от нормативных структурных ожиданий;

- предвидение последствий посредством проигрывания на лингво-юмористических моделях, принятия тех или иных решений и выбора оптимального решения в соответствии с заданными критериями управления.

Рассмотрим данные положения на основе вербального юмора, поскольку «язык – дом бытия» (М. Хайдеггер). В юмористических высказываниях наиболее отчетливо проявляется индивидуальный модус бытия. «Ни в чем так не проявляется характер человека, как в том, что он находит смешным» (И. Гете).

Понимание, порождение смысла определяется принципом релевантности. Данный принцип сформулирован в русле основных парадигм прагматики языка, опирающихся на теории Д. Спербера и Д. Уилсона. В соответствии с подходом, предложенным данными авторами, говорящий гарантирует слуша-

телю, что в процессе обработки информации будут получены эффекты контекста, т. е. достигнуто порождение нового смысла, возникающего из объединения высказанного предложения и контекста. Юмору, обладающему природой Протея (Ж. Поль), присущ потенциал многозначности, основанный на преобразовании значений слов. А. Ф. Лосев отмечает, что в языке знак может употребляться в бесконечном множестве контекстов, в каждом из которых он приобретает определенное значение, отличное от значений этого же знака в других контекстах. Погружение слова или выражения в определенный контекст порождает юмористические высказывания, в которых происходит замена многозначности двузначностью, основанной на индивидуальных осмыслениях. При этом может происходить трансформация абсолютно однозначно воспринимаемого вне контекста слова, например «рисковать» – в «горький юмор».

Два старика вспоминали молодость.

– Ради меня одна прелестная девушка рисковала своей жизнью, – говорит со вздохом один.

– Как это?

– Она сказала, что скорее прыгнет в Дунай, чем выйдет за меня замуж.

Этот пример представляет особый интерес в связи с тем, что не происходит никаких трансформаций в лексическом значении слова. Новый смысл порождается наличием контекста, т. е. порождается после того, как определены импликации, выведенные из контекста. При этом подчеркнем, что язык и юмор как форму существования языка невозможно рассмотреть с точки зрения «внеличностного представления мира» (Л. Витгенштейн). Иногда порождение нового значения связано не с исследуемым предметом, а с представлениями слушателя или читателя. Возьмем для анализа следующую ситуацию. *Небольшая газета организовала конкурс с целью выявить наиболее порядочного и доброжелательного гражданина своего города. Среди поступивших писем было и такое: «Я не курю, не употребляю спиртного, не играю в карты, не бегаю за женщинами, предан своей супруге, много работаю, ложусь рано и встаю на заре... Такую жизнь я веду уже три года... Не подождете ли вы до следующей весны, когда меня освободят из заключения?»*

В начале у читателя формируется представление о добропорядочном гражданине,

примерном семьянине, которое разрушается за счет понимания имплицитного содержания, порожденного в данном конкретном случае приемом остроумия – «ложное противопоставление». Процесс познания как понимание имплицитного смысла, являясь основой креативного механизма юмора, основан на порождении нового смысла, в соответствующем контексте. В связи с этим подчеркнем, что один из творцов теории речевых актов Дж. Серль указывал, что «затрагиваются отношения между значением слова и предложения, с одной стороны, и значением высказывания или значением говорящего – с другой» [Серль, 1990].

Одной из распространенных в коммуникативных процессах форм создания контекста являются клишированные приговорки. Так, ключевые фразы анекдотов входят в сознание носителей того или иного языка также и на уровне клишированных приговорок. Вырванные из анекдота, данные фразы тем не менее связаны с породившим их контекстом. Приведем пример. «*Ты не прав, Вася*» – из анекдота об электрике, которому на голову капнуло расплавленное олово, когда его напарник паял проводку. Говорится в ситуации, когда один из участников процесса коммуникации нечаянно причиняет боль другому.

Итак, эффект рождения нового смысла при порождении и понимании юмора, безусловно, требует существования контекста. В этой связи хочется привести мысль Р. Рорти, что язык, состоящий из одних метафор, был бы просто журчанием [Рорти, 1996]. (Метафора в данном контексте нами рассматривается как одна из форм создания юмористического эффекта.) Креативный механизм юмора состоит в указании вектора раздумий об определенных событиях. При этом происходит выявление имплицитного содержания на основе динамизации устойчивых семантических связей и выход на различные уровни обобщения (осмысления) ситуаций, с целью выявления сущностных характеристик.

Понимание имплицитного смысла в юмористической форме происходит на основе трансформации содержания. Данное положение доказывается тем, что юмористическая форма самостоятельна по отношению к смысловому содержанию, поскольку структурные изменения в форме мысли приводят к иному смыслу. Рассмотрим это положение на примерах. *Объявление: «Продается*

автоответчик Калашикова» (А. Кнышев). В данном случае юмористическая форма основана на метонимии (греч. *metonymia* – переименование) – перенос имени с одного класса объектов или объекта на другой класс или предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию. Вследствие подобного перехода возникает подтекст, порождающий новый смысл. Если придать данной мысли другую форму, то юмористический эффект исчезает. Например, в формулировке «*Продается автомат системы Калашикова*».

Креативная природа юмора прослеживается, например, и в образце пародии на символистскую форму из журнала «Сатирикон» (1910).

Полы. Прилавок. Покупатель.

Чулки. Сорочек ряд. Духи.

Перчатки. Палки. О. Создатель.

О. Как. Легко. Писать. Стихи.

Имплицитный смысл представлен абсурдностью символистского текста. Это достигается путем нарушения законов логики. Этим эксплицируется абсурд как особый модус бытия. Вл. Соловьев [1896] охарактеризовал представленное в анализируемой пародии направление искусства – символизм как лишенное смысла. В анализируемой пародии алогизм достигается на основе подражания стилистической манере символистов использовать номинативные предложения. Смена формы предложения приведет к изменению его содержания.

При рассмотрении третьего положения о создании значений, альтернативных имеющимся, через возникновение нового смысла, порождаемого значимыми отклонениями от нормативных структурных ожиданий, в процессе понимания юмора, необходимо обратиться к языку как средству передачи мысли. Участвуя в коммуникации с элементами юмора, мы либо понимаем то, что говорят другие, либо сами порождаем высказывания. Однако знания, используемые при выявлении скрытого смысла высказывания, не ограничиваются знаниями о языке. В этот процесс включаются также знания о мире, социальном контексте высказывания, умение извлекать хранящуюся в памяти информацию, планировать и управлять процессом решения задачи и многое другое. Согласно современным концепциям эксплицитно выраженные знания составляют лишь незначительную часть общей базы зна-

ний носителей языка, соответственно имплицитно выраженные знания являют большую часть. И эксплицитная и имплицитная базы знаний не являются семантическими «хранилищами информации», а представляют собой самоорганизующуюся и саморегулируемую систему, подвижную и изменяющуюся на основе новых знаний. И. Кант подчеркивает, что способность находить для общего особенное есть процесс суждения, способность придумывать для особенного общее есть остроумие. Дело первой способности – замечать различия в многообразности, дело второй – замечать тождество многообразного. Положение, о том, что остроумие – это способность замечать тождество многообразного, является ключевым для понимания функций креативного механизма юмора. Уточнение данной мысли И. Канта – в работах Дж. Локка, подчеркивавшего, что наряду с нахождением сходства, главное заключается в том, чтобы не ошибиться, приняв мнимое сходство за истинное.

Объединение идей в процессе выявления имплицитного смысла осуществляется благодаря обнаружению определенного признака, являющегося основой такого объединения, возникновение которого невозможно без анализа объекта. В основе выявления имплицитного смысла лежит способность как умение видеть сходство далеких друг от друга понятий (явлений), так и диссонанс явлений одного класса. Аналогичная мысль высказывается и З. Фрейдом, рассматривающим механизм восприятия юмора через призму сознания одновременно в двух планах. При этом подчеркивается, что мы одновременно или с быстрой последовательностью применяем для одной и той же работы представления два различных способа представления, между которыми потом происходит «сравнение», в результате чего возникает юмористический эффект.

Структуры знаний, именуемых фреймами, матрицами, схемами, сценариями и т. п., представляют собой пакеты информации (храняемые в памяти или создаваемые в ней по мере необходимости из содержащихся в памяти компонентов), обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Данные структуры играют существенную роль в процессе выявления имплицитного смысла при понимании юмора, предвосхищая контекстные ожидания, позволяют прогнозировать будущие события на осно-

ве структуры ранее встречавшихся сходных событий. М. Минский подчеркивает, что не следует соотносить с понятием «юмор» какую-то реальную вещь, так как юмор, скорее всего, представляет собой некую мыслительную сетевидную модель, возникающую в результате срастания в единую сеть механизмов различных по своей целевой направленности. «Самым общим элементом для всех видов юмора, является неожиданная смена фреймов: сначала сцена описывается с одной точки зрения, а затем неожиданно (для этого достаточно одного единственного слова) предстанет в совершенно ином ракурсе» [Минский, 1988]. Мы бы сочли необходимым добавить к пониманию М. Минским механизма возникновения юмористического эффекта тот факт, что на процесс выявления имплицитной сущности решающее значение может оказывать не только «одно единственное слово», но и более того – молчание, например в ситуации реализации приема остроумия «намек» – на известные всем события, реальный политический, исторический или литературный факт, в форме аллюзии (лат. *allusio* – шутка, намек). Так, современников А. С. Пушкина смешала первая строфа «Евгения Онегина»: *«Мой дядя самых честных правил»*. Она напоминала первую строку старой басни: *«Осел был самых честных правил»*. Не менее привлекательна реализация приема остроумия «намек» через призму исторической перспективы. *«Объявление. Ищу работу. Подпись Герострат»*. Несмотря на требование мегаполиса забыть Герострата, совершившего уничтожение одного из семи чудес света – поджог храма Артемиды, знание исторического контекста события вызывает возникновение юмористического эффекта на основе умолчания.

Для описания подобного рода трансформаций, возникающих как в процессе порождения, так и понимания юмора, отметим, что основная функция юмора заключается в дестабилизации сложившихся знаковых систем и определяется динамикой взаимопереходов образующих его полярных по смыслу значений. В основе понимания имплицитного смысла юмора находится освоение условности как особого знака несовпадения, видимого и сущего. Креативный механизм юмора проявляется в создании новых смысловых, целевых и операциональных установок. Как, например, в этой истории, показы-

вающей значимость сочетания стратегии и тактики.

Приходит мышь к Сове и спрашивает:

– *Меня совсем замучили кошки, не знаешь, как от них уберечься?*

– *Это очень просто, отрасти себе иголки, как у ежа, и ни одна кошка не захочет иметь с тобой дело.*

Мышь радостная убегает и через день возвращается и говорит:

– *Ой, я совсем забыла спросить, как мне отрастить колючки?*

– *Понятия не имею, я стратег.*

Таким образом, делая промежуточный вывод, подчеркнем, что именно противоположность сравниваемых понятий, «их столкновение», обладает свойством взаимодополнительности, их синтез приближает к выявлению имплицитного смысла.

Для анализа выдвинутого положения о понимании имплицитного смысла на основе креативного механизма юмора, через предвидения последствий, посредством проигрывания на лингво-юмористических моделях, принятия тех или иных решений и выборе оптимального решения в соответствии с заданными критериями управления, обратимся к общепринятым в современной когнитивистике фактам. Так, процесс приобретения знаний из связанного текста являет собой сложное когнитивное поведение, включающее ряд мыслительных операций, направленных не только и не столько на анализ отдельно взятых текстовых составляющих, сколько на дальнейший синтез, конечной целью которого является адекватное восприятие информационного фрейма в целостности его эксплицитных и имплицитных характеристик.

Используемые для выявления имплицитного смысла стратегии в большинстве случаев не являются заранее запрограммированными, намеренно осуществляемыми или осознанными и более того в значительной степени находятся вне сознательного контроля личности. Действие стратегий носит гипотетический и вероятностный характер, с их помощью производится быстрое и эффективное прогнозирование наиболее вероятной структуры или значения воспринимаемого сообщения. Часть стратегий при выявлении имплицитного содержания юмористического текста (высказывания) имеет собственно

лингвистический характер. Например, каламбуры Тэффи. Или редкий по красоте каламбур Гераклита, основанный только на смене ударения. «Луку имя “жизнь” (*bios*), а дело его “смерть” (*bios*)». Иначе говоря, слово «*bios*» с ударением на первом слоге означает «жизнь», а с ударением на втором – «лук» (оружие, орудие смерти).

Изменение смысловых установок в процессе деятельности сознания приводит к выявлению имплицитного смысла, что может переводить понимание в действие. В ситуации непонимания возникает юмористический эффект. Например, такой:

Сидят две обезьяны и пилат атомную бомбу.

– *Что вы делаете, она же взорвется?! – кричат им.*

– *Ничего, у нас еще одна есть! – отвечают они.*

В данном примере использован прием остроумия «ложное противопоставление». Убеждения, существующие как модус индивидуального бытия, эффективно преобразуются в юмористической форме.

Итак, понимание имплицитного смысла как креативного механизма юмора основывается на: порождении нового смысла в соответствующем контексте; юмористической форме, порождающей трансформацию смыслового содержания; создании значений, альтернативных имеющимся, посредством отклонений от нормативных ожиданий; выборе оптимального решения на основе предвидения последствий принятия решений.

Список литературы

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб., 2002. С. 281.

Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс. 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 293–294.

Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. М.: Русское феноменологическое общество. 1996. С. 68.

Серль Дж. Р. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 309.

Соловьев Вл. Еще о символистах // Вестн. Европы. 1895. № 10. С. 850–851.

Материал поступил в редколлегию 12.12.2006